

А была ли «стагнация»? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000-е гг.

Елена Николаевна Чернолуцкая,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: chvalery@mail.ru

В статье анализируются публикации британских и американских исследователей 2000-х гг., которые с позиции новых подходов и методов подвергают критическому переосмыслению концепцию «брежневского застоя», введённую в научный и общественный дискурс М.С. Горбачёвым и давшую теоретическое обоснование причин советской перестройки. Акцентируется внимание на ряде позиций этого направления западной историографии, которые касаются оценки внутреннего развития СССР, в т.ч. в отношении политической фигуры Л.И. Брежнева, экономического развития, идеологии (включая теорию развитого социализма), роли советских интеллектуалов (в т.ч. диссидентов), социальных процессов и черт повседневности. Авторы рассмотренных работ не отвергают наличия застойных явлений и тенденций в позднесоветской системе. Однако они доказывают, что брежневская эпоха была гораздо более сложным, многослойным и противоречивым явлением. Она отличалась от других периодов советской истории относительной стабильностью, благосостоянием, отсутствием насилия, динамичной и разнообразной жизнью общества, далёкой от западных стереотипных представлений. Учёные приходят к выводу, что эта эпоха требует более детального анализа, чем это позволяет стагнационная парадигма, и ставят под сомнение глубину понимания Горбачёвым состояния советской системы, полученной им «в наследство» от его предшественников, а следовательно и достаточную аргументацию реформаторской политики генерального секретаря КПСС.

Ключевые слова: концепция стагнации в СССР, поздний социализм, эпоха Брежнева, реформы Горбачёва, перестройка, англоязычная историография.

Did the stagnation even exist?**Rethinking the reasons of Soviet perestroika in the West in the 2000's.**

Elena Chernolutskaia, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: chvalery@mail.ru

The paper analyzes publications of British and American researchers of the 2000's subjecting the concept of "Brezhnev's stagnation" introduced to the research and public discourse by M.S. Gorbachev and giving the theoretical substantiation of Soviet perestroika's reasons to critical rethinking using new approaches and methods. The author focuses her attention to a number of this field of Western historiography regarding the evaluation of USSR's internal development, L.I. Brezhnev's political figure, economic development, ideology (including the developed socialism theory), roles of Soviet intellectuals (including dissenters), social processes and traits of everyday life. Authors of the works studied do not deny the presence of stagnation phenomena and tendencies in the late-Soviet system. But they prove that Brezhnev's epoch was a much more complex, versatile and controversial phenomenon. It differed from other periods of the Soviet history with relative stability, welfare, absence of violence, dynamic and manifold society life distant from Western stereotypical ideas. The researchers come to a conclusion that this epoch requires more detailed analysis than the stagnation paradigm allows and question Gorbachev's depth of understanding the Soviet system's stand "inherited" by him from his predecessors, and, therefore, sufficient arguments of reformation policy of the SPCU's General Secretary.

Keywords: stagnation concept in USSR, late socialism, Brezhnev's epoch, Gorbachev reforms, perestroika, English historiographical sources.

Ванглоязычной историографии период горбачёвских реформ в СССР, обещавших ускорение развития, но парадоксальным образом приведших к гибели советской системы, стоит на особом месте по вполне понятным причинам его значимости не только в рамках российской истории, но и как фактора влияния на глобальные процессы. С самого начала изучения перестройки западные историки так же, как и отечественные, выявляя её причины, стали оперировать понятием «стагнация», или «застой», которое в виде клише прочно «приклеилось» к предшествовавшему периоду. Многим учёным логика позднесоветского развития видится в основном однозначной: застой требовал кардинальных изменений системы, что и вызвало на арену истории фигуру М.С. Горбачёва. В наиболее лаконичном виде эту причинно-следственную связь выразил Дж. Лэйвер в названии своей книги «От стагнации — к реформе: Советский Союз 1964—91 гг.» (1997) [16].

Согласно этой концепции, время правления Л.И. Брежнева оценивается как период экономического, политического и социального застоя,

который продолжился при Ю.А. Андропове и К.У. Черненко, но в силу кратковременности пребывания последних у власти ассоциируется в основном с Брежневым. Определяющими чертами застоя считаются спад темпов экономического роста, частичная реабилитация сталинизма, жёсткое отношение к диссидентам, формирование геронтократии, насильственное удержание стран Восточной Европы в социалистическом блоке и др. Такой взгляд получил широкое распространение и продолжает доминировать как среди западных, так и среди российских коллег.

Вместе с тем ещё в 1980—1990-е гг. далеко не все аналитики приходили к столь однозначным оценкам. Например, Дж. Боффа, С. Бьялер, Р. Хилл и некоторые другие, признавая существование застойных тенденций в развитии советского общества, подчёркивали в то же время, что во многих областях, включая экономику, были достигнуты ощутимые результаты, а такие авторы, как Дж. Бреслауэр и Ж. Эллейнштейн, не разделяли мнения о возрождении сталинизма при Брежневе [3].

В 2000-е гг. в западной исторической науке появились новые публикации, в которых «брежневская стагнация» подверглась критическому переосмыслению. Важно отметить, что исследователи изначально не имели самоцели отвергнуть данную концепцию, но считали необходимым проверить, насколько она аргументирована, используя новые подходы и методы. Рамки статьи не позволяют охарактеризовать весь комплекс проблем, поднятых в трудах этого круга, а также всю неоднозначность сделанных выводов. Наша задача — акцентировать внимание лишь на ряде позиций, касающихся в основном оценки внутреннего развития СССР, которые действительно бросают вызов концепции застоя.

Знаковой в этом плане можно считать книгу британских авторов «Переосмысленный Брежнев» (2002) [9]. Один из них, Э. Бэкон, обосновывая сформулированную тему, напомнил, что при Брежневе Советский Союз во многих отношениях достиг высшей точки своего развития: поддерживалась беспрецедентная стабильность системы, повышался уровень жизни населения, укрепились позиции СССР как глобальной супердержавы, что способствовало предотвращению мировой ядерной катастрофы. Однако анализ историографии, к удивлению Бэкона, свидетельствовал об отсутствии обобщающих фундаментальных работ, посвящённых столь значимому советскому лидеру и его времени [7]. По мнению авторов издания, одной из причин такой ситуации была распространённая убеждённость в существовании «брежневского застоя», «который, казалось, слишком очевидно подтверждался хаосом и развалом последовавшего затем советского коллапса, чтобы подвергать его сомнению» [8, р. 204].

Кроме того Бэкон обратил внимание, что понятие «застой» применительно к брежневской эпохе ввёл М. Горбачёв для оправдания собственного политического курса: «В терминах теоретического дискурса „стагнация“ стала ключевым обозначением, чья функция как речевого акта заключалась в создании политической среды, в которой только радикальные реформы могли отвечать потребностям советского государства»

и «предотвратить полномасштабный кризис, нарождающийся в Советском Союзе» [7, р. 4]. На самом же деле у Горбачёва не было однозначных доказательств существования предкризисной ситуации. И если он оказался прав, то, скорее, случайно. «Горбачёвские реформаторы сваливали на неё (брежневскую эпоху. — *Е. Ч.*) многие пороки советской системы, отправляя её в историческое забвение в качестве „козла отпущения“» [8, р. 204].

Монография предлагает нетрадиционный ракурс анализа таких аспектов, как экономика, национальный вопрос, соревнование с капиталистической системой, взаимосвязи со странами третьего мира и др. Прежде всего внимание сфокусировано на самом советском лидере, который обычно предстаёт в образе дряхлого руководителя, не способного к откликам на трансформации современности. Автор посвящённого этой проблеме раздела Я. Тэтчер отмечает, что, как и в случае с другими аспектами, значительный вклад в распространение данного стереотипа внёс М. Горбачёв: «Ни один из советских лидеров не был так старательно отвергнут своим преемником, как Л.И. Брежнев. Даже в правлении Сталина Горбачёв находил некоторые положительные черты (коллективизация, индустриализация), но не нашёл ни одного доброго слова для брежневского руководства. Его результатом, утверждал Горбачёв, было не что иное, как стагнация и предкризисная ситуация» [24, р. 22].

Подвергая ревизии такой взгляд, Тэтчер считает необходимым учитывать специфический контекст системных норм и структурных ограничений (наследия не только хрущёвских, но частично сталинских и даже более ранних лет), в рамках которых действовал Брежнев, заслуживающий «репутации не наиболее ругаемого из всех советских лидеров, а одного из наиболее успешных экспонатов искусства советской политики» [24, р. 32]. Автор выявляет комплекс сильных качеств Брежнева-политика: умение определять приоритеты, избегание экстремизма, предрасположенность к коллективной работе и консультациям, популизм, проецирование сильного имиджа за границей в контрасте с непредсказуемым Хрущёвым. Это не означает, что Тэтчер не видит необходимости критики Брежнева, например, исследователь рассматривает его как гораздо более успешного партийного лидера, чем как главу государства, особенно в последние годы правления, а одним из самых негативных моментов политической биографии считает невыход на пенсию, когда болезнь стала отрицательно сказываться на его работе. И тем не менее Тэтчер убеждён: на фоне того, что было до и стало после, период брежневского руководства можно рассматривать как золотую эпоху советской системы [24, р. 32—33].

Сторонником аналогичных взглядов является и В. Томпсон, автор книги «Советский Союз при Брежневе» (2003) [25], также отвергающий распространённый образ советского руководителя как бесцветной безликости, обратив внимание на его реальное политическое мастерство, а также на недостатки и системные корни многих проблем, с которыми он столкнулся.

Наиболее трудной задачей для исследователей, пожалуй, было по-новому взглянуть на экономическую сферу СССР в брежневские годы, поскольку основные объективные показатели с очевидностью демонстрируют её торможение с середины 1970-х гг. Тем не менее ряд учёных в своих формулировках и оценках отказались от категоричности и прямолинейности, показывая многоуровневый и неоднозначный характер позднесоветских проблем.

М. Харрисон [6; 12; 13] заостряет внимание на том, что производительность в СССР стабильно росла с 1928 по 1987 г., несмотря на отклонения в периоды потрясений. Так же характеризовалась и динамика благосостояния: ВВП на душу населения за 1928—1987 гг. увеличился в пять раз, хотя реальное потребление улучшилось в меньшей степени из-за ограниченности ассортимента и неравенства в разрезе общественных групп и поколений. Доходность накопления убывала, особенно резко — с середины 1970-х гг., однако оставалась неотрицательной. Плюсом брежневской эпохи Харрисон называет и изменение роли сельскохозяйственной системы, которая становилась всё более похожей на другие отрасли экономики, преодолев сталинскую дискриминацию и став прямым получателем государственных субсидий. Правда, ежегодно уменьшался рост продукции сельского хозяйства, но, по мнению автора, это можно рассматривать как результат реакции большого сектора экономики на давление и ограничения системы в целом [13, р. 47].

Давая такие оценки, Харрисон, безусловно, не смотрит на советскую экономику сквозь розовые очки. К явным поражениям этого периода он относит попытку реализации амбициозной идеи «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны, которая действительно осуществлялась, но очень медленно и только до 1973 г. Затем развитие всей глобальной экономики поствоенного времени резко изменилось. Но индекс роста СССР и социалистических стран упал гораздо серьёзнее, чем в Западной Европе и США, что сделало невозможным достижение поставленной цели. При этом рост всё же оставался выше нуля [13, р. 45].

В отличие от многих экономистов, Харрисон оценивает не только собственно экономические тенденции, но и степень поддержки советской системы народом, которая, на его взгляд, была достаточно высокой. В этом выводе автор опирается на ряд опубликованных на Западе исследований, свидетельствующих об узкой социальной базе диссидентства в СССР и о незаинтересованности подавляющей части населения в сопротивлении «брежневскому режиму». Массовые опросы показывали, что большинство советских людей само выбирало степень своего участия в работе государственных и партийных органов. Они ощущали себя более свободными, менее подверженными цензуре и самоцензуре, чем многие американцы и большинство чёрных американцев [6, р. 122; 12, р. 398—399].

В целом исследователь приходит к выводу, что советская командная система была хотя и не слишком динамичной и небеспроблемной,

но, несомненно, стабильной и имела необходимые атрибуты легитимности, а экономическая катастрофа в начале 1980-х гг. почти определённо не являлась неизбежной. Большинство граждан жили удовлетворительно, отсутствовала безработица. Правительственные доходы и расходы находились под контролем, инфляционный фактор оставался небольшим, внутренний и внешний долг Советского Союза не вызывал беспокойства. Однако появились и тревожные симптомы — торможение экономики, рост (хотя и медленный) излишков внутренней денежной массы, распространение коррупции, теневая экономика и др. [12, р. 399—400; 13, р. 62—63]. Тем не менее стабильность — это то, что отличало период брежневского правления, несмотря на все его изъяны. А стабильность и стагнация, как считают авторы «Переосмысленного Брежнева», — это не всегда одно и то же [8, р. 213].

Преемники Брежнева — Ю.В. Андропов и К.У. Черненко — предпринимали решительные шаги для исправления негативных тенденций традиционными мерами, усиливая централизацию, трудовую дисциплину и охрану государственного имущества. И эти меры окупались: в 1983 г. замедление роста прекратилось. «Таким образом, — резюмирует Харрисон, — ситуация, которую Андропов и Черненко передали Горбачёву, была не хуже, чем они получили в наследство от Брежнева, а в некоторых отношениях — лучше. Советская экономика не являлась ещё гиблым делом» [13, с. 63].

Стоит отметить, что на близких позициях стоят и некоторые другие британские учёные. Например, экономист Ф. Хансон в монографии «Взлёт и падение советской экономики: Экономическая история СССР с 1945 г.» (2003) [11] также отмечает, что объём производства в стране рос почти каждый год с 1946 до 1989 г. (за исключением 1963 и 1979 гг.) [11, р. 241]. Таким образом, в абсолютных значениях в течение всего этого периода наблюдалась восходящая динамика, хотя к концу его и очень медленная. В своих попытках присоединиться к мировому развитию Советский Союз был наиболее близок к цели в середине правления Брежнева, тогда же достигнув стратегического паритета с США. Хансон считает, что начавшееся затем неуклонное отставание экономики СССР и большинства стран социалистического блока от Запада можно называть провалом лишь в относительном смысле, и даёт данному явлению определение «сравнительное системное падение», которое имело не только экономические, но и политические негативные последствия [11, р. 241—247].

Тем не менее автор убеждён, что окончательный коллапс советского производства не был предопределён 1985-м годом. А вот Горбачёв действительно нанёс ему сокрушительный удар, разрушив цепочку партийно-командной системы, без чего советская экономика не могла существовать. Это, по словам Хансона, стало непредвиденным побочным эффектом политических реформ [11, р. 253—254].

Вслед за экономическими аспектами британские историки подвергли ревизии стереотипные взгляды на идеологию брежневской эпохи, которая

обычно оценивается как один из «столпов» советского застоя, в частности — наиболее «одиозное» её проявление — концепцию развитого социализма. Считается, что она накрыла советскую интеллектуальную жизнь «удушливым серым одеялом», взращивала догматизм, подрывала веру советских граждан в социализм, т.к. создавала пропасть между теорией и жизненными реалиями. Однако М. Сэндл, один из соавторов монографии «Переосмысленный Брежнев», убеждён в спорности такого взгляда и утверждает, что на самом деле это была «крайне сложная и порой противоречивая концепция». Пересмотрев её истоки, содержание и влияние, он находит «гораздо более прогрессивное, реформистское и радикальное лицо развитого социализма, чем оно существует в представлениях в настоящее время» [21, р. 165].

Исследователь отметил: после грандиозных обещаний Хрущёва Брежнев был поставлен перед необходимостью скорректировать партийную программу стремительного достижения коммунизма. Требовалась её новая интерпретация, в которой бы сохранялась ведущая роль КПСС в рамках социалистического блока. Разработанная теория и стала таким средством, провозгласив, что СССР — первое государство, завершившее строительство «развитого социалистического общества». В ней социализм перестал быть кратким переходным периодом между капитализмом и коммунизмом, а обосновывался как длительный исторический этап, отличающийся собственными законами. Общий темп развития после хрущёвского радикализма сменился на постепенность и поэтапность [21, р. 166].

Горбачёв характеризовал данную теорию как лежащую в основе стагнации брежневских лет, обвинив её в постоянной регистрации одних лишь успехов, утверждении инерционности, игнорировании проблем [21, р. 183]. Однако Сэндл замечает, что в этом смысле «развитой социализм» ничем не отличался от других ортодоксальных идеологических концепций советской эпохи, в которых постоянно провозглашались достижения советского общества и громадное продвижение вперёд на пути к светлому будущему коммунизма.

Исследователь дискутирует и с утверждением об игнорировании негативных явлений. Он показывает, что хотя брежневское руководство никогда не обнажало их масштаб и степень развития, тем не менее проблемы освещались и обсуждались. Вплоть до самой смерти Брежнева предлагались решения и реформы, демонстрируя реформаторский потенциал теории развитого социализма, которая в основе своей требовала дальнейшего усовершенствования системы перед тем, как «она погрузится в трансформацию к коммунизму». Кроме того, политико-идеологическая элита того времени осознавала ограничения концепции, поэтому даже при Брежневе считалось необходимым дополнять её другими идеями и лозунгами, например, о «социалистическом образе жизни». Вместе с этим поясняющие рамки развитого социализма утверждали, что существовавшие

институты и практики являются исключительно правильными. Это делало недопустимым признание в глубоких системных недостатках или поощрение поиска радикального анализа и решений [21, р. 183—184].

В целом британский исследователь считает, что у Брежнева видение советского социализма — технократичного, рационального, эффективно-го, основанного на экспертизе и действующего при прямом участии масс в управлении системой — было, возможно, более близким к большевистско-ленинскому видению, чем у его предшественников и преемников [21, р. 185].

Предлагая свои аргументы определённой «реабилитации» теории развитого социализма, Сэндл вскрывает и её основное противоречие: опора на общий соразмеренный, постепенный темп изменений всё чаще сталкивалась с настоятельной необходимостью решения проблемы замедления советской экономической эффективности и сопутствующих социальных проблем. «Развитой социализм не являлся проводником к решению задач, которые встали перед советским руководством в середине 1980-х гг. Но, как показала последующая история, таковыми не были ни ускорение, ни перестройка, ни демократизация, ни гласность» [21, р. 185].

Ещё один круг проблем, сквозь призму которых западные коллеги пытаются определить вектор позднесоветского развития, относится к состоянию самого общества. Тот же М. Сэндл рассматривает брежневскую эпоху через анализ роли в ней интеллектуалов [20]. Он отмечает, что в этой связи долгое время единственным заслуживающим внимания прогрессивным феноменом считались советские диссиденты, в то время как об остальной части интеллигенции сложилось представление в основном как о стагнирующей, серой и пустой массе. Причина устойчивости такого взгляда во многом объяснялась тем, что именно бывшие диссиденты, сформировавшие интеллектуальную элиту в разгар перестройки, внесли основной вклад в создание нарратива советской истории (который стал преобладать после 1985 г.), отнеся НЭП, хрущёвскую десталинизацию и перестройку к периодам реформ и прогресса, а военный коммунизм, сталинизм и брежневское правление — к периодам репрессий и реакции. «Путём создания образа брежневских лет в виде интеллектуальной посредственности и застоя (кроме их (диссидентов. — *Е. Ч.*) собственной героической борьбы для поддержания огня интеллектуальной жизни) было возможно более правдоподобно убедить в радикальной перестройке системы» [20, р. 159—160].

Однако проанализированный британским учёным материал показал, что советская интеллектуальная жизнь до перестройки являлось разнообразной и конфликтной. Между «диссидентами» и «ортодоксами» (а также внутри этих групп) существовал широкий спектр активности и противостояния в открытых и завуалированных формах. Численно растущая советская интеллигенция, всё более специализируясь в разных областях знаний, была необходима режиму в качестве эксперта для управления

современным индустриальным обществом. Поколение шестидесятников привнесло внутрь «монолитной крепости советского марксизма-ленинизма» зарождающийся интеллектуальный плюрализм, запрос на новые ценности, идеи и решения, формируя внутрисистемную или «лояльную» (недиссидентскую) оппозицию, сыгравшую ключевую роль в событиях после 1985 г. Различные тенденции мышления и течения существовали и внутри самой партии, предшествуя фрагментации КПСС при перестройке.

Несмотря на то, что антиортодоксия сдерживалась доминированием конформистов и карьеристов, наличие широкой сети учёных, интеллектуалов и аппаратчиков с критическим мировоззрением означало настойчивость альтернативного взгляда на мир (что было, по существу, подрывным) и урезало базис идеологического догматизма задолго до прихода к власти Горбачёва. М. Сэндл приходит к выводам об ошибочности представлений о монотонности, серости и безликости интеллектуальной жизни при Брежневе и важности избегания дихотомических обобщений [20, p. 156—160].

Подобный подход характерен и для группы американских исследователей, задавшихся целью проанализировать ещё один пласт брежневской эпохи — «обычную жизнь простых советских людей». В коллективной монографии «Советское общество в эпоху позднего социализма. 1964—1985» (2014) [22] они также оспаривают представление об этом времени как о стагнации с «бессмысленными институтами», «порабощением граждан», «монолитностью жалких конформистов». В предлагаемом междисциплинарном исследовании раскрывается обширный комплекс социальных явлений и черт повседневности, среди которых советский средний класс, сексуальность, здоровье, этика, спорт, гражданское участие, кино, литература и др. В итоге перед читателями предстаёт бурная жизнь общества, многоплановая советская реальность, далёкая от привычных западных стереотипов. Нельзя не обратить внимания на то, что ряд авторов данного издания, судя по фамилиям, имеют российские корни. Возможно, это и позволило им особенно ярко раскрыть глубинные стороны советской жизни.

Политологи Н. Клумбите и Г. Шарафутдинова подчеркнули, что брежневский период характеризовался «...не только экономической стагнацией и конфронтацией в отношениях между государственными органами, диссидентами и другими гражданами, но и подлинной верой в социалистические ценности, добровольным участием в построении советского социализма, либерализацией социальной, экономической и политической жизни и диалогом между различными слоями социалистической общественности, а также с государственными органами» [15, p. 2—3]. В отличие от предыдущих, этот период был относительно стабильным, процветающим, ненасильственным. Не случайно в постсоветское время с его политическими и социальными потрясениями у многих россиян возникла

ностальгия по 1960—1970-м гг. Авторы считают: это ностальгия не просто по экономической безопасности и стабильности, но также и по образу жизни советского среднего класса и советским материальным мирам, так долго игнорировавшимся в западной науке, которые характеризовались постепенным отходом от революционных ценностей аскетизма, коллективизма и пролетариата в сторону индивидуализма и потребительства [15, р. 5—7].

Социолог А. Парецкая, анализируя три сферы жизни советских людей в эпоху позднего социализма — работу, потребление и досуг, — приходит к выводам, идущим вразрез с господствующими на Западе представлениями об убогих и обделённых советских гражданах. Например, говоря о потреблении, автор показывает, что оно было осмыслено властью как социальное право граждан и отразилось как в партийных документах, так и в государственной практике. При Брежневе значительно улучшилось снабжение населения продуктами питания, одеждой, стала доступна бытовая техника, у людей появились личные автомобили. Дискурс по поводу потребления повысил значение «постколлективистских ценностей» — индивидуальности, самостоятельности и частной жизни, — что обычно относят к западным обществам. И в этом процессе советское партийное государство стало невольным проводником [18; 19].

Книга американских исследователей не обходится без примеров распространения в СССР западного «вещизма» (стремления к приобретению магнитофонов, джинсов и т.п.) и западной массовой культуры. Однако в противовес расхожему мнению, авторы не склонны считать это признаком оппозиции советских граждан социализму или подрывом советских идеалов, поскольку происходили «локализация и одомашнивание» различных западных культурных форм, их «творческая адаптация к социалистическому контексту и национальной самости» [15, р. 7]. Например, в статье С. Жука показано, как на Украине местные власти, внедряя в практику западные формы развлечения (дискотеки и т.п.), популяризировали украинскую музыку и распространяли коммунистическую пропаганду [26].

Многие разделы монографии убеждают, что в позднем социализме граждане были либеральными индивидуалистами не потому, что сопротивлялись государству или сознательно присоединялись к антисоветским тенденциям, а потому что жили самостоятельной, полноценной, свободной и счастливой жизнью [15, р. 10]. Не являясь диссидентами или ортодоксами, они находили пространство, в значительной степени созданное самим государством, в котором могли заниматься творчеством, осуществлять новаторские идеи и самореализовываться, будь то различные кружки, финансировавшиеся из бюджета, дискотеки, классы йоги — «субъект советского свободомыслия» (Л. Хони [14]) — футбольные клубы (Р. Эдельман [10]) или литературная деятельность, выходящая за пределы «жанров застоя» (О. Лившин, Б. Сатклифф [17; 23]).

«Позднесоветский период, — считают авторы книги, — был увлекательной и динамичной эпохой, где сосуществовали различные цели, ценности и практики: коммунистические патриотические песни и Битлз, национальная поэзия и коммунистическая пропаганда, атеизм и поиск скрытых человеческих сил, увлечение воображаемым Западом и удовлетворение общественной карьерой в советских государственных институтах. Всё это существовало в одном и том же времени и пространстве, не как противоположности. И граждане воспринимали их различными способами, проживая позднесоветскую жизнь и оставаясь советскими» [15, р. 12].

В целом рассмотренные публикации показывают, что западные исследователи не отвергают многих изменений в СССР, зафиксированных «стагнационниками», например, в экономике, системе управления, когорте руководителей, интеллектуальной жизни и т.п. Одни говорят о зёрнах застоя, посеянных при Брежневе, другие — о застойных тенденциях, третьи — о застое в отдельных сферах и т.д. Однако все они приходят к выводу, что брежневская эпоха требует более глубокого анализа, чем это позволяет стагнационная парадигма, на поверку оказавшаяся «поверхностной концептуализацией более сложного вопроса...», «гораздо более многослойной ситуации» [8, р. 207, 217]. И для этого необходим более тонкий набор понятий и инструментов анализа, более широкий круг эмпирических материалов.

Не случайно в монографии «Советское общество в эпоху позднего социализма» перед научным сообществом ставится задача по формированию дополнительного пласта источников («этнографических данных»), под которыми подразумевается фиксация воспоминаний, оценок, мироощущения ещё живущих людей, «испытавших на себе и даже формировавших поздний социализм». Такое направление уже развивается в западной историографии, свой вклад в него внесли А. Юрчак, С. Раджагопалан, Д. Рейли (Raleigh), И. Утехин, посвятившие работы последнему советскому поколению, индийским фильмам в советском кинематографе, особенностям жизни в петербургских коммуналках и т.д. [15, р. 2].

Здесь, несколько отвлекаясь от непосредственной темы статьи, хотелось бы отметить, что группа исследователей Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН во главе с А.С. Ващук независимо от западных коллег пришла к такому же выводу о необходимости сбора неформальных сведений от участников (пока они ещё живы) исторических процессов позднесоветской и постсоветской эпох. Работая над проблемой социальных трансформаций и процессов модернизации на Дальнем Востоке конца XX — начала XXI в., эта группа в 2013—2015 гг. осуществила несколько экспедиций по малым городам и периферийным районам южной части региона, где проводила интервьюирование, анкетирование, сбор личных воспоминаний, фотографий и т.п. материалов. На основе этого участникам проекта удалось по-новому рассмотреть

и оценить состояние дальневосточного общества и взаимоотношения его с властью в указанный период, что нашло отражение в ряде публикаций [1; 2; 4; 5 и др.].

Возвращаясь к основной проблеме нашей статьи, мы можем констатировать, что в англоязычной литературе в последние годы усиливается направление исследований, ставящее под сомнение глубину понимания Горбачёвым состояния советской системы, которую он получил в наследство от своих предшественников, а отсюда — и аргументацию его реформаторской политики. Однако нельзя не признать, что и западные, и отечественные специалисты продолжают находиться под сильным влиянием концепта «стагнация», введённого лидером перестройки в научный и общественный дискурс. Новые подходы современной науки к изучению данной проблемы невольно наталкивают на вопрос: а какую «этикетку» получила бы эпоха Брежнева, не будь Горбачёва?

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5—22.
2. Ващук А.С., Савченко А.Е. Социальная реальность Дальнего Востока как проблема современной истории: постановка задач // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 3—8.
3. Дроздов В.В. Современная зарубежная историография экономической политики СССР в 1946—1985 гг.: автореф. дис. ... д-ра эк. наук. М., 1998. 40 с.
4. Ковалевская Ю.Н. Перестройка в обыденном сознании дальневосточников: тридцать лет спустя // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 66—79.
5. Коняхина А.П. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке (От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38—55.
6. Харрисон М. Стабильны ли командные системы? Почему потерпела крах советская экономика? // Экономическая история. Обзорение. М., 2001. Вып. 6. С. 120—141.
7. Bacon E. Reconsidering Brezhnev // Brezhnev reconsidered / ed. by Bacon E., Sandle M. 2002. P. 1—21.
8. Bacon E., Sandle M. Brezhnev reconsidered // Brezhnev reconsidered / ed. by Bacon E., Sandle M. 2002. P. 203—217.
9. Brezhnev reconsidered / ed. by Bacon E., Sandle M. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 233 p.
10. Edelman R. Football in era of “changing stagnation”: the case of Spartak Moscow // Soviet society in era of late socialism / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. 2014. P. 143—162.
11. Hanson P. The rise and fall of the Soviet economy: An economic history of the USSR from 1945. London, New York, Toronto and others: Pearson education. 2003. 279 p.

12. Harrison M. Coercion, compliance and the collapse of the Soviet command economy // *Economic history review*. Oxford, Maiden. 2002. Vol. 55. № 3. P. 397—433.
13. Harrison M. Economic growth and slowdown // *Brezhnev reconsidered* / ed. by Bacon E., Sandle M. 2002. P. 38—67.
14. Honey L. Pluralizing practices in late-Socialist Moscow: Russian alternative practitioners reclaim and redefine individualism // *Soviet society in era of late socialism* / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. 2014. P. 117—142.
15. Klumbite N., Sharafutdinova G. What was late socialism? // *Soviet society in era of late socialism* / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. 2014. P. 1—14.
16. Laver J. *From stagnation to reform: Soviet Union 1964—91*. London: Hodder and Stoughton, 1997. 144 p.
17. Livshin O. Raped with Politburo: Bawdy humor and disempowerment in Yuz Aleshkovsky's prose // *Soviet society in era of late socialism* / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. 2014. P. 183—202.
18. Paretskaya A. A middle class without capitalism? Socialist ideology and post-collectivist discourse in the late-Soviet era // *Soviet society in era of late socialism* / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. 2014. P. 43—66.
19. Paretskaya A. The Soviet Communist party and the other spirit of capitalism // *Sociological theory*. 2010. Vol. 28. № 4. P. 377—401.
20. Sandle M. A triumph of ideological hairdressing? Intellectual life in the Brezhnev era reconsidered // *Brezhnev reconsidered* / ed. by Bacon E., Sandle M. 2002. P. 135—164.
21. Sandle M. Brezhnev and developed socialism: The ideology of zastoi? // *Brezhnev reconsidered* / ed. by Bacon E., Sandle M. 2002. P. 165—187.
22. *Soviet society in era of late socialism, 1964—1985* / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. Lanham, Boulder, New York, London: Lexington books, 2014. 251 p.
23. Sutcliffe B.M. Beyond the genres of stagnation: reading the allure of I. Grekova's "The hotel manager" // *Soviet society in era of late socialism* / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. 2014. P. 163—182.
24. Thatcher I.D. Brezhnev as leader // *Brezhnev reconsidered* / ed. by Bacon E., Sandle M. 2002. P. 22—37.
25. Tompson W.J. *The Soviet Union under Brezhnev*. London: Longman, 2003. 200 p.
26. Zhuk S.I. "Cultural wars" in the closed city of Soviet Ukraine, 1959—1982 // *Soviet society in era of late socialism 1964—1985* / ed. by N. Klumbite, G. Sharafutdinova. 2014. P. 67—90.

REFERENCES

1. Vashchuk A.S. Perestroika na rossiyskom Dal'nem Vostoke v sub'ektivnykh izmereniyah sovremennikov: nadezhdy na sotsial'nuiu modernizatsiyu i razocharovaniya [Perestroika in the Russian Far East in personal dimensions of contemporaries: hopes for social modernization and disappointment]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 5—22. (In Russ.)
2. Vashchuk A.S., Savchenko A.E. Sotsial'naiia real'nost' Dal'nego Vostoka kak problema sovremennoi istorii: postanovka zadach [Social reality of the Russian Far East as a problem of modern history: setting tasks]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no. 4, pp. 3—8. (In Russ.)
3. Drozdov V.V. *Sovremennaiia zarubezhnaia istoriografiya ekonomicheskoi politiki SSSR v 1946—1985 gg.*: Avtoref. dis. dokt. ek. nauk [Modern foreign historiographical sources on economic policy in USSR from 1946 to 1985: author's abstract of thesis of a doctor of economic sciences]. Moscow, 1998, 40 p. (In Russ.)

4. Kovalevskaia Yu.N. Perestroika v obydennom soznanii dal'nevosochnikov: tridtsat' let srustia [Perestroika in the ordinary thinking of Far-Easterners: after thirty years]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 66—79. (In Russ.)
5. Konyakhina A.P. Praktiki grazhdanskogo uchastiya na Dal'nem Vostoke (Ot chastnogo interesa k publichnoi politike: v poiskah solidarnosti [Practices of civic participation in the Russian Far East (From private interest to public politics: in search for solidarity)]. *Rossiya i ATR*, 2014, no. 4, pp. 38—55. (In Russ.)
6. Harrison M. Stabil'ny li komandnye sistemy? Pochemu poterpela krakh sovetskaja ekonomika? [Are command system stable? Why did the Soviet economy fail?]. *Ekonomicheskaja istoriya. Obozreniye*, 2001, vol. 6, pp. 120—141. (In Russ.)
7. Bacon E. Reconsidering Brezhnev. *Brezhnev reconsidered*. 2002, pp. 1—21. (In Eng.)
8. Bacon E., Sandle M. Brezhnev reconsidered. *Brezhnev reconsidered*. 2002, pp. 203—217. (In Eng.)
9. Bacon E., Sandle M. Brezhnev reconsidered. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2002, 233 p. (In Eng.)
10. Edelman R. Football in era of “changing stagnation”: the case of Spartak Moscow. *Soviet society in era of late socialism*. 2014, pp. 143—162. (In Eng.)
11. Hanson P. *The rise and fall of the Soviet economy: An economic history of the USSR from 1945*. London, New York, Toronto and others: Pearson education Publ., 2003, 279 p. (In Eng.)
12. Harrison M. Coercion, compliance and the collapse of the Soviet command economy. *Economic history review*. Oxford, Maiden, 2002, vol. 55, no. 3, pp. 397—433. (In Eng.)
13. Harrison M. Economic growth and slowdown. *Brezhnev reconsidered*. 2002, pp. 38—67. (In Eng.)
14. Honey L. Pluralizing practices in late-Socialist Moscow: Russian alternative practitioners reclaim and redefine individualism. *Soviet society in era of late socialism*. 2014, pp. 117—142. (In Eng.)
15. Klumbite N., Sharafutdinova G. What was late socialism? *Soviet society in era of late socialism*. 2014, pp. 1—14. (In Eng.)
16. Laver J. From stagnation to reform: Soviet Union 1964—91. London, Hodder and Stoughton Publ., 1997, 144 p. (In Eng.)
17. Livshin O. Raped with Politburon: Bawdy humor and disempowerment in Yuz Aleshkovsky's prose. *Soviet society in era of late socialism*. 2014, pp. 183—202. (In Eng.)
18. Paretskaya A. A middle class without capitalism? Socialist ideology and post-collectivist discourse in the late-Soviet era. *Soviet society in era of late socialism*. 2014, pp. 43—66. (In Eng.)
19. Paretskaya A. The Soviet Communist party and the other spirit of capitalism. *Sociological theory*. 2010, vol. 28, no. 4, pp. 377—401. (In Eng.)
20. Sandle M. A triumph of ideological hairdressing? Intellectual life in the Brezhnev era reconsidered. *Brezhnev reconsidered*. 2002, pp. 135—164. (In Eng.)
21. Sandle M. Brezhnev and developed socialism: The ideology of zastoi? *Brezhnev reconsidered*. 2002, pp. 165—187. (In Eng.)
22. N. Klumbite and G. Sharafutdinova. *Soviet society in era of late socialism, 1964—1985*. Lanham, Boulder, New York, London, Lexington books Publ., 2014, 251 p. (In Eng.)
23. Sutcliffe B.M. Beyond the genres of stagnation: reading the allure of I. Grekova's “The hotel manager”. *Soviet society in era of late socialism*. 2014, pp. 163—182. (In Eng.)
24. Thatcher I.D. Brezhnev as leader. *Brezhnev reconsidered*. 2002, pp. 22—37. (In Eng.)
25. Tompson W.J. *The Soviet Union under Brezhnev*. London, Longman Publ., 2003, 200 p. (In Eng.)
26. Zhuk S.I. “Cultural wars” in the closed city of Soviet Ukraine, 1959—1982. *Soviet society in era of late socialism, 1964—1985*. 2014, pp. 67—90. (In Eng.)